

Их было трое. Они появились зимним утром на пороге дома. Одеты гости были не по погоде. Накидки из льющегося шёлка нежно-серого цвета до пят и на ногах лёгкие сандалии. Такие сандалии дед видел в фильме про воинствующих римлян. Тот, кто, судя по всему, был старшим, держал в руках увесистую папку. На папке крупным почерком написано имя «Мавлим» и в скобках возраст – 94 года. Это было имя деда, а в папке история всей его жизни.

Настенные часы закрипели. Кукушка исполнила свой долг – отсчитала ровно шесть ударов. Жена спала на кровати, сложив руки на груди, будто это за ней они должны были прийти. Дед выглянул в окно. На чём они прибыли? Двор был пуст. Дед поправил занавески, взъерошил пальцем землю в цветочном горшке, оборвал несколько сухих лепестков герани. Он медлил, отказываясь верить в то, что пришло его время и гости явились в срок.

– Это он, – один из пришедших кивнул на деда, – И возраст совпадает.

Старший спросил:

– Мавлим?

Дед подтвердил:

– Я.

– 94 года?

– Так точно, – отчеканил дед, вспомнил военные годы и выпрямился.

– Собирайся.

– Уже? – огорчился дед, – Мне в июле будет 95.

– До июля мы ждать не можем! – воскликнул старший, изумлённый желанием деда отпраздновать юбилей. – Мы можем подождать сутки, не больше.

Дед Мавлим начал сборы. Первым делом он побрился и надушился одеколоном, которым пользовался редко, в особо торжественных случаях. Затем надел белую рубашку и застегнул её

до самой верхней пуговицы. После разбудил жену и попросил сварить ему куриный суп. Хотел досыта наесться любимой еды перед дорогой. Про то, что в дом прибыли Ангелы, он жене говорить не стал, а сказал:

– Сания, приготовься, завтра меня не станет.

И взгляд его, долгий и нежный, был доказательством прощания. Жена промолчала, объяснения ей были не нужны. Она одобрила суп приправами и кореньями и села писать письмо умершим родственникам, чтобы дед передал его им при встрече.

Ангелы слонялись по дому. Затем поднялись на чердак, где висело кольцами вяленое мясо, забитое в конскую кишку. Здесь летучие мыши спали, похрапывая во сне, точно люди. Пылинки плясали в солнечных лучах, и слышно было, как снег падает на крышу с сосновых лап. Рыболовные снасти в ожидании туманных рассветов лежали возле маленького окошка. Садовый инвентарь, канистра, тронутая ржавчиной, ненужная кухонная утварь. Всё было сложено аккуратно. Чердак хранил памятные вещи, избавиться от которых не хватало душевных сил: керосиновая лампа; старый велосипед без одного колеса; проигрыватель, укрытый отрезом ткани; швейная машинка; зеркало в деревянной оправе. Газетные вырезки, пожелтевшие и пыльные, покоились в картонной коробке. Чердак был самым таинственным и притягательным местом для внуков. В мистической тишине любой шорох рождал фантазии о привидениях.

Ангелы спустились во двор, заглянули в курятник, исследовали баню и чугунные горшки на заборе. Пёс Верный, предчувствуя скорую разлуку с хозяином, протяжно взвыл и скрылся в конуре. Пока Ангелы изучали устройство земного быта, дед вспоминал свою жизнь. Он думал о троих сыновьях – его гордости и о четвёртом, самом младшем, умершем в возрасте тридцати лет. Эта потеря

принесла глухую боль, прошедшую с ним сквозь жизнь. Он насчитал двенадцать внуков и шестнадцать правнуков. Подумал о том, что было бы правильно созвать всех родственников и устроить прощальный вечер с богатым столом и песнями под баян. Он вспоминал летнюю пору, сенокос, душицу, собранную в тугие пучки, приезды внуков и оранжевую тыкву, растущую за баней. Его руки, огрубевшие от земельного труда, помнили гладкую ручку рубанка, строительство дома и холодный рычаг колонки. Память один за другим освещала радостные моменты. Рождение внуков и мотоцикл с коляской, ставший сюрпризом от сыновей на шестом десятке...

Наутро дед Мавлим умер. В сарае тоскливо мычала корова Маруся. Приехали сыновья, внуки и правнуки. Саня держала на коленях младшего правнука, которому ещё не исполнился год.

– Я видела их, – шептала она малышу, глядя перед собой выцветшими глазами. – В шёлковых переливающихся одеждах. Земли не касаются и ле-

тят, как облака. А любопытные какие! Скоро мой черёд. Дед будет ждать меня, чтобы в следующий раз мы снова смогли стать мужем и женой. Только бы не забыл...

Она думала о том, что у них будет пятеро сыновей и обязательно три дочери. Внуки будут бегать по огороду, собирать колорадских жуков в стеклянную банку и пить парное молоко сразу после вечерней дойки. А потом появятся правнуки, и им достанется самое лучшее, как всегда. Самый большой кусок морковного пирога, самые спелые ягоды с куста и первые хрустящие огурчики.

Жена прожила ровно год и умерла в ясный, зимний день. Дед встретил её босой, в той же белой рубашке, отдохнувший от земных забот. Не забыл! Они взялись за руки и вошли в новую жизнь, какую хотели прожить так же: с радостями закатных вечеров, среди подрастающих детей. И снова будет сенокос, парное молоко, тыква, растущая за баней, и летучие мыши на чердаке, храпящие во сне, точно люди.